

ИНЫЕ БАРЕТА

ЖУРНАЛ О РУССКОЙ
КУЛЬТУРЕ ЗА РУБЕЖОМ

№4(12)
2008

Сентябрь в Душанбе
III Форум творческой и научной
интеллигенции государств СНГ

**Триумф и трагедия
изгнания**
Кинофестиваль
«Русское Зарубежье»

**Я – певица
Мария Биешу.**
Этим и интересна
людям

**Этот русский
китайский Харбин...**

С.М.Прокудин-Горский
**Пионер цветной
фотографии**

Банин. Отрывки из книги
Кавказские дни

Долг перед Россией
Выставка из собрания
Н.Лобанова-Ростовского
в Санкт-Петербурге

Гипнотизер
Интервью с кинорежиссером
Романом Балаяном

ЛИЦА

Елизавета КОРОЛЕВА

Сквозь тернии к звездам – ЭТО МОЯ ИСТОРИЯ

Примадонна
мировой оперной сцены

Наталья
Ушакова

Не сотвори себе кумира – так велит нам одна из великих заповедей, но что, скажите, делать в тот момент, когда вы, молодая оперная певица, только начинающая осуществлять свои мечты, в один из прекрасных солнечных дней встречаетесь лицом к лицу со знаменитой русской оперной певицей Натальей Ушаковой, фотографиями которой обклеена вся музыкальная столица мира – Вена, а полосы западных газет пестрят заголовками с громкой русской фамилией. Не грех нарушить заповедь!.. И я искренне могу сказать, что после нашей длительной беседы Ушакова стала моим кумиром навсегда.

На интервью Наташа пришла с мужем, молодой и симпатичный австриец, прекрасно владеющий русским языком, искренне и по-доброму подшучивающий над историями любимой женщины. Общение между ними более чем своеобразно – разговаривают они на немецком языке, а ругаются, используя исключительно русский. Несмотря на то, что Ушакова аристократического происхождения (прапрадедушка Наташи – генерал Федор Иванович Ушаков), она имеет легкий нрав, открыта и общительна.

Ташкент

Елизавета Королева: Как вышло, что твоя жизнь так тесно переплелась с музыкой – с чего все началось? Я где-то прочитала, что дедушка и бабушка привезли тебя из Ташкента?

– Начать, видимо, следует с того, что с самого детства я была предоставлена самой себе, где-то даже слышала, мол, ученые отмечают, что самостоятельность всегда проявляется там, где человек способен сам увидеть объективные основания для того, чтобы проявить активность. Вот так, с самых ранних лет находя основания и проявляя активность, я самостоятельно отправилась в музыкальную школу в девяти-

летнем возрасте, правда, взяв за руку подружку, чтобы не поколебать чувство полной уверенности в своих действиях. На вступительных экзаменах в музыкальную школу я спела «Пусть бегут неуклюже». Преподавательский состав был крайне удивлен тем, что меня никто не сопровождает: «А кто тебя привел, девочка?» – «Да никто меня не приводил, я просто хочу учиться в музыкальной школе, люблю музыку и петь. Понимаете?». Спела, мне впервые в жизни за мое творчество аплодировали, спросили адрес и все. Так прошел сентябрь. В октябре бабушка и дедушка получают письмо из музыкальной школы с категоричным вопросом: «Почему

не приводите свою девочку учиться? Она поступила в музыкальную школу». Дедушка был крайне удивлен самостоятельности моего поступка. Совокупность моих действий говорила взрослым о многом. Во-первых, о серьезности намерений; во-вторых, о невозможности повернуть назад по причине, указанной в пункте первом – я была мала, но по-взрослому серьезна во всех своих поступках. Дедушка, озадаченный новыми обстоятельствами, решив сдвинуть дело с начальной точки, отправился в центральный универсам в Ташкенте за покупками. В тот день главной покупкой стало пианино «Лира», к слову, самое лучшее пианино по

тем временам. Вот так, имея в активе инструмент для творчества и огромное желание, я начала учиться музыке.

В музыкальной школе я всегда была солисткой в хоре, с самого начала обладала громким, объемным голосом «темного» тембра. Сколько себя помню – я всегда пела и мечтала стать оперной певицей. Родственники меня поощряли подарками за мое пение, такое стечение обстоятельств мне очень нравилось, в результате я могла петь часами без остановки. Согласитесь, это идеальное сочетание, ты занимаешься любимым делом и тебе за это дарят подарки. Единственным, что меня огорчало в те времена, было то, что бабушка с дедушкой не одобряли мое желание быть артисткой, считая, что профессия эта недостойна. Поэтому я поступила в Политехнический институт на факультет радиоэлектроники и информатики. Закончила институт с красным дипломом, отдала диплом инженеру бабушке и дедушке и поехала в Санкт-Петербург поступать в Консерваторию. Многих трудов и терпения стоила мечта вернуться к музыке, сквозь тернии к звездам – это моя история, моя.

Во время учебы в Политехническом я подрабатывала уборщицей в так называемом закрытом ящике. Несколько раз в месяц нам давали бесплатно молоко и хорошо платили. Работать приходилось постоянно, поскольку я привыкла ни от кого не зависеть. Это было трудно, потому что каждое утро я вставала в 5 часов, в 6 надо было уже быть на рабочем месте, потом к 9 в институт. От усталости, как ни странно, меня всегда спасло только одно – пение и музыка. На протяжении всего этого времени я продолжала петь и заниматься музыкой, именно тогда полюбила старинные романсы, Алябьева, Гурилева, Булахова.

Санкт-Петербург

Питер всегда меня привлекал, с этим городом у меня особая духовная связь. Начиная с 16-ти лет, я зачитывалась произведениями Достоевского, мне до дрожи в теле хотелось прой-

тись по тем же улицам, дышать тем же воздухом, что и герои моих любимых романов. То, что мы думаем – то мы и есть. Все складывается так, как оно должно сложиться. Судьба привела меня в Питер.

На время вступительных экзаменов в Консерваторию меня подсадили к Ане Нетребко и Злате Булычевой, они только окончили первый курс. По сравнению с жарким Ташкентом, в Питере было холодно, причем чувство холода меня не покидало ни на секунду, от чего появлялся страх простудиться до экзаменов. Чтобы уберечь себя от возможного недуга, я спала в шапке и в пижаме, тем временем соседки спали голые.

Со Златой и Аней мы до сих пор в очень близких отношениях.

У Ани и Златы были друзья в Питере. Мы брали машину и катались по Питеру, смотрели Зимний Дворец, радовались, бесконечно смеялись, кормили друг друга мороженым, кричали, танцевали, пели и захлебывались от счастья. Беззаботное счастливое время, необремененное никакими обстоятельствами, когда ты взрослый, но в душе еще самый настоящий ребенок. В сентябре был концерт вновь поступивших студентов, я приехала, стала петь, было страшно, голос куда-то пропал.

С первого курса я пела драматический репертуар – Абигаиль, Леонору из «Силы судьбы» Верди, Дездемону «Отелло», арию Нормы из оперы «Норма», Лизу из «Пиковой дамы». Репертуар мне безумно нравился, да и как я пела тоже. Во всяком случае, было громко и с душой, а это самое главное, как мне казалось. Все восхищались. Вместе с Аней Нетребко я училась в классе у Тамары Дмитриевны Новиченко. В консерватории был очень сильный преподавательский состав, но сейчас, к сожалению, уже многие умерли. Новиченко замечательная, наша Тамарочка Дмитриевна, как мы ее называем. Именно с ней я впервые стала заниматься вокальными упражнениями, потом вокализы и арии с концертмейстером Фридой Наумов-

ной. Учеба в Консерватории приносила мне истинное удовольствие, впервые в жизни я понимала, что занимаюсь своим любимым делом. Все было увлекательно и интересно, я не училась, я жила в этом музыкальном мире, а он во мне. Постепенно я увлеклась актерским мастерством. Каждый день ходила в Мариинский театр, поэтому, не особо теряя время на перемещение, я посещала практически все балетные и оперные спектакли.

Во время учебы в Питере Валерий Абесалович Гергиев часто приглашал меня и Аню петь в Мариинский театр. В консерваторской оперной студии мы вместе дебютировали в «Свадьбе Фигаро» я пела Графиню, а Аня Сюзанну. Позднее мы не раз пели эту оперу на сцене Мариинки, я опять же Графиню, а она Сюзанну. После успешного выступления в «Евгении Онегине» Чайковского Гергиев пригласил меня на другие русские оперы: «Мазепа» Чайковского, «Садко» и «Псковитянка» Римского-Корсакова, а также на партию Эльзы в «Лоэнгрине» Вагнера. Позднее мы возили в Нью-Йорк постановки Мариинского театра – «Мазепу» и «Семена Котко» Прокофьева. Под руководством Гергиева я спела на сцене Метрополитен Опера в Нью-Йорке. Это были мои первые шаги на оперной сцене, я была зеленая как огурец. Несмотря на молодость и неопытность, все выступления имели большой успех. Гергиев талантливый дирижер и честный, прямолинейный человек, если ты плохой певец он не повременит ни секунды и тут же тебе об этом сообщит, а если ты здорово спел, то обязательно похвалит. Прямолинейность ценят не многие, кому-то подобное поведение кажется резким и грубым, лично для меня это всегда было лишь стимулом для постоянной работы над собой.

Консерваторию, к сожалению, я не закончила. В то время, когда я училась на третьем курсе, в Москве проводился конкурс на стажировку в Большой Театр. Я рискнула. Это было состязание

между безумным количеством сопрано со всего Советского Союза, в итоге я прошла три тура, и меня взяли. Директор Большого театра Руденко тогда сказала: «Деточка, вы, конечно, молодец, хороший голос, но знаете, общение мы вам не можем дать. У нас солисты по 10 лет живут без горячей воды, так что, извините, и деньги мы тоже первые полгода платить не сможем». Я очень расстроилась, условия были невыносимо жесткими. «Вы подумайте, деточка, подумайте». Думать я поехала обратно в Петербург. В это время туда же из Австрии приехал декан Консерватории в Граце, главный режиссер оперной студии и главный дирижер, с целью провести прослушивание, австрийская сцена нуждалась в русском теноре, сопрано и меццо-сопрано.

Вопрос выбора всегда не однозначен. Вариант А – Большой и полное отсутствие денег, вариант Б – Австрия и хотя бы какие-то обещания финансового благополучия. Я поехала в Австрию, где мне сразу же дали все главные партии в оперной студии и небольшую стипендию. Фьордилиджи, Донна Ельвира, Поппея из «Коронации Поппеи». Все новые постановки прошли с большим успехом. Сложность была одна – коммуникации, общение, язык. По-немецки я не знала ни слова, «гутен таг» и все. Со временем начала петь на немецком, учить язык. Стипендии хватало исключительно на аренду жилья, но дела обстояли так, что возникла необходимость помогать деньгами дедушке и бабушке. Пришлось снова подрабатывать уборщицей.

Но, как известно: нет худа без добра. Как оказалось, австрийцы – это люди с теплым сердцем и благими намерениями. В это время у меня появились выбранные родители. Они большие оперные поклонники, с завидной регулярностью посещали спектакли в оперной студии, и я им понравилась. У них нет своих детей, и они взяли меня на попечительство, даже предлагали удочерить, но в силу определенных причин я отказалась. Потом

появился друг Гюнтер Небель, меценат, который в свое время мне тоже очень помог. Сейчас ему 61 год, он замечательно выглядит и до сих пор посещает все мои спектакли. Недавно был со мной в Лондоне, был в Вероне и в Калере. С родителями и Гюнтером мы до сих пор поддерживаем очень близкие, теплые отношения. Они мне дороги, как самые близкие люди. Для себя я поняла одно – в этом мире надо быть уверенным в правильности своего пути, мыслить исключительно позитивно, улыбаться и желать всему миру добра и счастья, быть отзывчивым и честным в первую очередь перед самим собой, уметь прощать, мечтать и верить.

Впервые выступить на профессиональной оперной сцене мне довелось в Амстердаме. Я пела «Пиковую даму» Чайковского с Галузиным. Семен Бычков дирижировал, а Лев Додин сделал великолепную постановку. Атмосфера на репетициях была неповторима, а работать с такими интересными личностями как Лев Додин, Кирилл Петренко было крайне волнительно. Переполненная новыми ощущениями, тогда я подумала, что здесь, наверное, все люди исключительно талантливы. Как оказалось позднее, мои предположения слишком идеалистичны, что все далеко не так, как кажется с первого взгляда.

«Ла Скала»

В 1999 году я спела прослушивание в Петербурге и понравилась Галине Павловне Вишневецкой. Ростропович в это время дирижировал «Мазепу» в Ла Скала и меня взяли в постановку. Галина Павловна позже занималась со мной в Италии. Я очень благодарна за ее помощь, она великолепный учитель и замечательный человек, великая певица и настоящая женщина. Я очень люблю Галину Павловну и ее мужа и благодарна жизни за то, что мне выпало счастье работать и общаться с ними. Мстислав Ростропович – гений, по-другому не скажешь. На репетициях его замечания были просты и точны до гениальности, казалось бы, что вот оно на поверхнос-

ти и так должны все видеть, что это очевидно, а на самом деле это он сделал для нас это очевидным.

Петь в Ла Скала было не страшно, а, наоборот, приносило массу удовольствия. Я была необыкновенно счастлива и хотела, чтобы этот спектакль продолжался вечно. Галина Павловна во время одной репетиции заметила: «Знаете, почему Скала красная? Потому что крови певцов насосалась!». Ла Скала – необыкновенный театр, если форсируешь голос, начинаешь пытаться петь громко, то зал поглощает звук, не принимая тебя, и голос не звучит. Получается что-то вроде фистулы, будто сами стены театра обладают сознанием и понимают, кто владеет вокальным мастерством, а кто нет. Поэтому не всем суждено было блистать на сцене и завоевать любовь искушенной итальянской публики. После моего успешного дебюта артистический директор театра предложил мне остаться на стажировку в Академии Театра Ла Скала. Ему понравился мой голос, а главное, он услышал, что я могу хорошо звучать в итальянском репертуаре. Конкурс был 600 человек на место. В Академии я изучала итальянские оперы, пела Анну Болейн, дебютировала с партией Мими в костюме Миреллы Френи в знаменитой постановке Дзефирелли. Очень хотелось похулиганить и написать на знаменитой лавочке, где сидят многие поколения Рудольфо и Мими, «здесь был Вася» или что-то в этом роде.

Доминго

Мы были с мужем в Зальцбурге, меня увидел Пласидо Доминго и сказал: «Я думал, там стоит Лиза, ты похожа на нее». Так я получила контракт на «Пиковую даму», благодаря совпадению моей внешности с образом героини оперы. В России партию Лизы поют певицы, которым уже далеко за сорок, состоявшиеся на сцене дивы. Лизу считают драматической партией, мое же мнение противоположно устоявшемуся взгляду. Ведь Лизе всего 16 лет и она впервые в жизни влюблена. Это чистой-

шие и светлейшие чувства момента первой любви. Чайковский написал эту партию лиричной, нежной, мягкой, я ее чувствую даже лиричнее, чем Татьяну в «Евгении Онегине». Татьяна намного ниже по вокальной тесситуре, например, в сцене письма и дуэт с Онегиным очень драматично написан. А Лиза написана намного выше. И ария Лизы у канавки: «Ах истомилась я горем», которую все так боятся петь, в музыкальном аспекте – это настоящая народная девичья песня, плач, который нельзя петь громко, бросаясь на вокальную амбразуру силой и мощью голоса.

Пласидо удивительно угадал, что это моя партия. В первый раз спектакль был в Вашингтоне. К сожалению, так часто бывает – я не получила ни одной репетиции. И английский не был моим языком. В театре рядом со сценой была забегаловка, если ты не успеваешь забежать в свою гримерную, чтобы переодеться, то тебя переодевают в этом закутке. Я прибежала туда со сцены и две очень милые костюмерши меня в секунду раздели. Стою, смотрю на них беспомощно и не могу сказать, что переодеваться надо после еще одного речетатива, а они подумали, что до него. В итоге я осталась в одних трусах и короне. А надо было спеть одну только фразу: «Нет, Маша, не иди за мной», и бежать на сцену, а я смотрю на них и ничего не могу сказать, и они смотрят на меня и улыбаются, а я все еще голая, но в короне. Мысль одна – точно не успею одеть платье. Что делать? Смотрю, в уг-

лу висит серенький халатик для фейерверка, хватаю его и бегом на сцену. Слава Богу, успела вовремя, выбежала в сереньком халатике и короне. Затем через середину сцены я должна была уйти в маленькую дверку в декорациях, стала ее открывать, а она не открывается. Что делать?! Смотрю уже Графиня – Образцова Елена Васильевна – наступает: «Чего вы тут стоите, прочь подите», а я уже давно должна была убежать в эту дверку. Я от волнения стала так сильно дергать дверцу, что все декорации затряслись и чуть вовсе не развалились на глазах у публики. В последнюю секунду рабочие сцены просто втащили меня за сцену, оказывается, надо было в другую сторону открывать.

В финальном дуэте Лизы и Германна Пласидо говорит мне по-русски: «Бежим, бежим!!!» и тащит меня со сцены, я думаю, куда нам бежать, нам ведь еще дуэт петь?! А так как репетиций у меня не было, уверенности в действиях тоже не было. Стою и размышляю, вот в чем вопрос – бежать или не бежать?! Пласидо всем своим видом показывал, что бежать надо, тащил меня, выразительно в глаза смотрел, я же думаю, нет, что-то он напутал, останусь. Оказывается, он так вошел в роль, что на русском начал со мной разговаривать. Пласидо утверждает, что между русским и испанским языком очень много общего, что они похожи. Луна – луна, ночь – ночь, Пласидо – Пласидо, Наталья – Наталья.

Доминго – это явление, больше такого

нет. Недавно я его слушала в опере «Луиза Фернанда» в Вене. Все вокруг затихает, когда он появляется на сцене. На долю секунды я перестала верить в свое счастье дружбы с этим человеком. Когда он поет, ты получаешь истинное наслаждение, а на сцене – это самый лучший партнер. Он дает тебе и всем немислимое количество энергии. В один момент можно почувствовать, что он разделяет с тобой работу, творчество и жизнь. Он соучаствует тебе, публике, процессу – и это дар от Бога. Однажды я его спросила: «Пласидо, что тяжелее: дирижировать или петь?» – «Наташа, что дирижировать, что там делать? Ты попробуй спой!». Пласидо Доминго – мой любимый певец и дирижер, более того, у нас полное взаимопонимание, доверие и уважение, и он мой друг.

Восток и Запад

Черта русского человека все обсуждать, даже в большей степени критиковать, находить недостатки, отвергать. Мы преклоняемся перед иностранными фамилиями, иностранными певцами, иностранными звездами, несмотря на то, что в России очень много талантливых людей, что в принципе Западу даже не снилось. Вот оно противоречие – ты имеешь русскую фамилию, ты можешь иметь огромный успех на Западе, множество предложений, любовь и преданность западной публики. Приезжаешь в Россию, получаешь полную коробку критики, что под впечатлением от услышанного в свой адрес желание

ЛИЦА

возвращаться домой исчезает со скоростью света. Особенно у нас любят критиковать люди, которые не имеют никакого отношения ни к опере, ни к музыке, ни к искусству в целом. Например, мы с Доминго стали героями одной из юмористических программ на российском телевидении после нашего концерта в ММДМ несколько лет тому назад. Оказывается, один наш знаменитый юморист, юмор которого с каждым годом опускается все ниже и ниже, разбирается в опере и даже публично критикует и высмеивает певцов.

На Западе нет деления на наших и не наших, если ты хорошо поешь и играешь, будоражишь публику своим внутренним миром, даря его окружающим, тебя приглашают выступать и щедро благодарят своим признанием и любовью. И совсем не важно, как звучит твоя фамилия – Ушакова, Шмидт или Майлз, здесь относятся очень лояльно и к русским, и к хорватам, и к немцам, и к американцам. Ведь главное, что публика аплодирует, кричит «браво» и просит приехать еще. После спектакля «Мадам Баттерфляй» в Штуттгарте публика так топала ногами и кричала, что директор театра начал переживать за люстру в зале. Я 8 раз выходила на сцену на поклон. В Японии 1,5 часа раздавала автографы после спектакля. Признание публики – это высшая награда для артиста. Мне везет на партнеров по сцене – все темпераментные испанские парни. Доминго, Виллазон, Каррерас. Жалею, что с Паваротти не довелось петь. С Каррерасом я пела концерт в Белграде на арене с публикой 4,5 тысячи человек. Первый раз мы увиделись на пресс-конференции перед концертом, тогда журналисты мне не задали ни одного вопроса, это меня немного расстроило. После концерта, когда я спела арию Травиаты с верхним ми бемолем, и весь остальной нереальный репертуар, Джудитту, арию Ханны из «Веселой вдовы», дуэт Альфредо и Виолетты и испанские дуэты с верхним ре – представители средств массовой информа-

ции просто обрушили на меня свое внимание, тоже своего рода признание.

В Вене мы с мужем живем второй год, а всего в Австрии где-то 6 лет. Мы жили в Милане 2,5 года, в Мюнхене немало. Очень люблю Нью-Йорк. Вена притягивает, для меня это своего рода магнит, свое место, сюда всегда хочется возвращаться. Люблю Венскую Штатс оперу. Здесь сохранилась атмосфера театра, замечательная и знающая публика, меня здесь все любят и я всех люблю. Скоро буду петь «Пиковую даму» в новой постановке в Венской Штатс опере. Не перестаю любить Питер, но давно уже там не была. Мечтаю попробовать силы и спеть в Сан-Франциско, в Лос-Анджелесе, в Цюрихе и в Париже в Опера Бастиль.

Кумиры

В первую очередь – это Елена Васильевна Образцова. Величайшая певица всех времен. Обладает неповторимой харизмой и огромнейшим талантом. Одарена всем – и голосом, и умом, и актерским талантом, и невероятной жизненной силой, которая дается только от Бога и только за хорошие дела. Нравится Лейла Генчер, с которой я занималась в Академии Ла Скала. К сожалению, она недавно умерла. Ее называли второй Каллас. Очень люблю голос Милашкиной. Они с Атлантовым тоже живут в Вене, правда, мы не знакомы, но это не страшно, когда-нибудь мы обязательно познакомимся. Запись арии Лизы: «Откуда эти слезы» в исполнении Милашкиной – это для меня эталон исполнения. Слушаю всегда Ренату Тебальди. Сейчас я занимаюсь с выдающейся певицей Илеаной Котрубас и, конечно же, мечтаю петь как она. Илеана – она ангел. Она преподает, дает мастер-классы, член жюри различных конкурсов, при этом всей душой болеет за молодых певцов. Она одновременно и строга и добра, и хвалит и ругает. Искренне считаю, что успех моей последней «Мадам Баттерфляй» – это ее заслуга, моя в малой степени, и лишь в том, что я правильно приняла ее уроки.

Из нынешних певцов – конечно, наша Аня Нетребко большой молодец. Одна из немногих мировых оперных звезд, имя которой известно не только любителям оперы, но и всем тем, кто не часто заглядывает в оперный театр.

Курт

Елизавета Королева: Ни для кого уже не секрет, что опера, равно как и все музыкальное искусство – это своего рода музыкальный бизнес, в котором певец оказывается наиболее уязвимым звеном и не может обойтись без участия грамотного и влиятельного агента, который будет в свою очередь направлять развитие карьеры.

– Мне кажется, в наше время мужа найти намного легче, чем агента. С Куртом мы работаем уже несколько лет и за плечами у нас Ковент Гарден, Метрополитен Опера, сейчас сотрудничество с «Ювелир Вагнер», при этом у нас родственные души и подружились мы мгновенно. Мне нравятся красивые люди. На мой взгляд, они ограждены от возникно-

вения ряда комплексов, усложняющих жизнь людям, они не зажатые и не злые, они любимцы мира и публики, поэтому они открытые, отзывчивые и эмоциональные. С Куртом мы семья. Сначала нас связывали исключительно деловые отношения, потом мы стали дружить, встречаться на кофе и длительные прогулки. Дальше – больше. Мне кажется, с самыми выдающимися агентами так и есть. Должна быть тонкая связь, иначе ничего не получится.

Я благодарна Наталье Ушаковой за искренность, смелость, душевность беседы, за ее щедрый смех и обворожительную улыбку. Она интересный собеседник, с ней легко позабыть о времени, ее бесконечные истории затягивают в гущу событий жизни оперной сцены. Есть в Ушаковой внутренняя мощь, то ли тайное обещание, то ли неразгаданная загадка. А главное, ей присуща легкость – вот наше будущее: плыть воздушной птицей, поддерживая атмосферу красоты в нашем мире.